

Карета прибыла, и Ван Си уже было хотел приподнять занавеску, но И Цунчжоу схватил его за спину и оттолкнул в сторону.

Помогая Мо Ину выйти, он заметил, что его дыхание стало еще слабее, а шаги — медленнее. Войдя в безлюдный внутренний двор, И Цунчжоу на мгновение заколебался, затем поднял его на руки и быстро уложил на кровать.

Ливень все еще лил, заглушая все звуки мира, но не мог унять учащенное сердцебиение.

Постояв несколько мгновений в тишине, И Цунчжоу наклонился, осторожно снял с Мо Ина верхнюю одежду и снял его маску.

Увидев лицо, он на мгновение замер.

Мо Ин был бледен как никогда, его обычно яркие губы потеряли цвет, на лбу выступили капельки пота, волосы слиплись.

Его глаза были закрыты, он дрожал, будто от холода или болезни, словно был на грани истощения.

— Ваше Величество, — позвал его И Цунчжоу.

Мо Ин едва приоткрыл глаза, увидел его и выдохнул:

— Цунчжоу.

Он облизал сухие губы.

И Цунчжоу поспешно налил чай и осторожно поднес к его губам.

Мо Ин продолжил:

— Не беспокойся о вчерашнем. Я здесь, и это больше не повторится.

Он говорил медленно, его ресницы дрожали.

— Я опоздал, ты пережил столько страданий. Я знаю, как тебе тяжело, что ты не смог защитить солдат и народ...

Его голос дрогнул, и из глаз потекли слезы.

И Цунчжоу был ошеломлен.

Плач был беззвучным.

Мо Ин, измученный до предела, закрыл глаза, и слезы продолжали катиться по его гладким щекам.

— Я посплю немного.

Он почти мгновенно потерял сознание, слезы еще не успели высохнуть.

Было еще не полдень, но небо было мрачным, как ночь, и лишь изредка молнии освещали его лицо, похожее на нефрит.

Хрупкий, но прекрасный до глубины души.

Гром сотрясал сердца.

И Цунчжоу протянул руку и, не колеблясь, провел пальцем по щеке Мо Ина, стирая слезы.

Его кожа была такой мягкой, такой теплой.

«Как его зовут?»

Осознав, о чем он думает, И Цунчжоу нахмурился и встал. Но едва он отодвинулся на полшага, как рука Мо Ина схватила его.

Он обнял руку И Цунчжоу, прижался к ней и перевернулся.

Сложенный в несколько раз лист бумаги выпал из его одежды.

Это был тот самый донос, о котором он говорил в зале?

И Цунчжоу развернул бумагу. На ней было множество строк, написанных вразнобой.

Почерк был небрежным, но можно было разобрать имена, места и ключевые события.

Кроме Чжоу Тяньжуна, там было еще десятка два имен — все важные фигуры из окружения Чи Линя.

И Цунчжоу внимательно читал. Среди них было много того, о чем он даже не знал.

Маленький лист бумаги содержал информацию, способную потрясти весь двор.

Чем дальше, тем неразборчивее становился текст, и в конце была длинная чернильная клякса, будто писавший не мог удержать кисть.

И Цунчжоу понюхал бумагу — она пахла свежей тушью.

Он поднял правую руку Мо Ина — на мизинце был черный след чернил.

Когда Чи Линь вошел в комнату Мо Ина, он был в полубреду.

Император был не тем, кем казался. Вероятно, он использовал какой-то особый метод, чтобы выбить из Чи Линя информацию.

Но это стоило ему огромных усилий.

Такой слабый и измученный, он был совсем не похож на того живого и энергичного человека, который требовал, чтобы он потрогал его рога. Неизвестно, не было ли у него внутренних повреждений.

Зачем он так поступал?

Только ради обещания «я не дам тебе погибнуть»?

Воздух был влажным от ливня, но в сердце И Цунчжоу будто подул свежий ветер.

Он аккуратно сложил бумагу и попытался высвободить руку, но Мо Ин крепко держал ее, и при малейшем движении его брови хмурились.

И Цунчжоу снова сел.

Но беспокойство Мо Ина не утихало.

Почему он так беспокоится? Неужели из-за того, что это не императорская кровать?

И Цунчжоу привык к простым условиям, его жилище во временном дворце было более чем скромным. Много лет на войне он привык к суровым условиям и не придавал этому значения.

Он вытащил край одеяла, чтобы Мо Ин мог обнять его вместо руки, и бесшумно вышел наружу.

Свистнув, он вызвал своего заместителя Юэ Ли.

— Генерал, какие будут указания?

— Сходи в Чертог Цюян и укради одеяло императора. Не привлекай внимания стражи в черных одеждах.

— Это понятно, мы уже сделали свое дело, а стража все еще спит. Что? Одеяло? Генерал, что вы задумали?

Это... это он может сделать? Это он может услышать? Это просто ужасно!

И Цунчжоу холодно посмотрел на него:

— Быстро.

Юэ Ли не только украл одеяло, но и по дороге услышал множество слухов о своем генерале.

Вчера император публично признался, что любит мужчин, и слухи о том, что его любовником является генерал Чанпин, уже распространились повсюду. Услышав это, он воскликнул, что это чушь. Любовник?

Тот, кто заставлял врагов плакать от страха, кого в народе называли демоном, способным заставить детей замолчать, — как он мог быть чьим-то любовником? Если бы это было правдой, он, Юэ Ли, мог бы надеть свадебное платье и стать невестой.

Но вчера в Восточном дворце, когда император гневно обвинял Чи Линя и говорил о страданиях солдат на границе, он почувствовал, как слезы наворачиваются на глаза, и полностью изменил свое мнение об императоре. Никто не может измениться за одну ночь, если только он не скрывал свои истинные чувства.

Почему же император, скрывавший их так долго, вдруг решил открыться? Только с одной целью — защитить генерала.

Неужели слухи о наложнице Сюань правдивы? Император не интересуется женщинами, его сердце принадлежит... генералу?

Для Юэ Ли это было как удар молнии.

«...Разве император всегда не считал генерала своим врагом? Как он вдруг полюбил его? Он не понимал, но был потрясен».

Однако это было ничто по сравнению с тем, что произошло дальше.

После совещания генерал первым подошел, чтобы поддержать императора. Более того, он лично сопровождал его карету и отвез к себе.

Через некоторое время генерал вышел и приказал ему украсть одеяло императора.

Он с детства служил И Цунчжоу и никогда не видел, чтобы тот кого-то обслуживал. За эти годы генерал был холоден и равнодушен, интересуясь только войной и убийствами, и никогда не проявлял такой заботы о ком-либо.

Вспомнив выражение лица генерала, которое он увидел утром в боковой комнате, Юэ Ли понял, что император, вероятно, и есть тот, кого любит генерал.

«Матушка, спаси меня, это слишком страшно».

Странное чувство переполняло Юэ Ли, когда он вернулся во внутренний двор. И Цунчжоу вышел из спальни и тихо приказал:

— Как можно быстрее приготовь кровать.

Что? Ему нужно постелить кровать для императора?

Юэ Ли оцепенел, машинально вытер воду с себя за ширмой, глубоко вздохнул и подошел к кровати, но увидел, что И Цунчжоу завернул императора в одеяло и держал его на руках.

С его позиции он мог видеть только длинные, как вода, волосы, выбивающиеся из одеяла, и ничего больше.

В спальне горели благовония, которые никогда раньше не использовались, их сухой и тонкий аромат был полной противоположностью влажности снаружи.

Юэ Ли, оцепенев, прошел мимо И Цунчжоу, и его нос уловил легкий свежий аромат. Он вздрогнул, обернулся и увидел, что голова императора с длинными, как водопад, волосами покоилась на плече генерала.

«...Ему следовало быть на крыше, а не в комнате».

И Цунчжоу нахмурился.

Юэ Ли вздрогнул и быстро приготовил кровать, делая это с невероятной скоростью. Закончив,

он, конечно же, подумал, что нужно сменить одеяло, и, как дурак, протянул руку, чтобы взять императора и сменить его.

Но И Цунчжоу мрачно посмотрел на него и беззвучно произнес:

— Выходи.

Его выражение было настолько устрашающим, что Юэ Ли поспешно ретировался. Оказавшись снаружи, он чувствовал себя словно во сне.

Генерал не позволил ему сменить одеяло императора. Он собирался сделать это сам? Аккуратно развернуть императора, как яйцо, и уложить его в мягкое одеяло.

Неудивительно, что у него возникли такие мысли, ведь, когда он отходил от кровати, он краем глаза увидел, как взгляд генерала остановился на императоре, и в его глазах была такая нежность, что аж мурашки по коже.

«Нет, этого не может быть».

Юэ Ли нервно ходил туда-сюда у боковой комнаты, ждал почти полчаса, и когда И Цунчжоу вышел, он бросился к нему.

Хотел что-то сказать, но И Цунчжоу сделал жест, чтобы он замолчал, и повел его в кабинет для совещаний.

— Что случилось?

<http://bllate.org/book/15421/1364220>